

**Пишем сочинения по
трагедии**

А.С. Пушкина

"Борис Годунов"

Пишем сочинения
по драме А.С. Пушкина
«Борис Годунов»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Грамотей

Содержание

Вступление	4
История возникновения замысла и источники написания трагедии ...	7
Художественные особенности трагедии (жанр, композиция, реализм образов, историзм воспроизведения эпохи)	20
Идейное содержание трагедии	32
Борис Годунов	35
Самозванец	53
Летописец Пимен	62
Второстепенные персонажи трагедии	67
Народ в трагедии	71
Русская жизнь по трагедии	79
Язык и стих трагедии	83
Заключение	94

В пособиях этой серии использованы **отрывки из статей следующих литературоведов:** Г. Абрамовича, М. Авдеева, П. Анненкова, К. Арабажина, И. Астахова, А. Бадена, Н. Бражника, Д. Благого, С. Бугославского, С. Бураковского, Ф. Булгаковой, А. Бороздина, С. Бураковского, М. Быстрова, А. Введенского, Л. Вейнберга, С. Венгерова, А. Винера, Л. Войтоловского, Д. Галахова, Э. Геннекена, И. Глебова, Ф. Головвенченко, А. Григорьева, Н. Григорьева, Н. Гудзии, С. Дудышкина, Н. Дюнькина, П. Евстафьева, С. Елеонского, Е. Ефимовой, Д. Жохова, В. Засимовича, А. Захаркина, А. Зерчанинова, С. Золотарева, Н. Кадмина, А. Кайева, В. Карасёва, П. Когана, Н. Колокольцева, Н. Коробкин, Н. Котляревского, К. Лахостского, В. Литвинова, Б. Майкова, В. Максимова, М. Мальцева, Н. Мендельсона, Д. Мережковского, О. Миллера, Я. Назаренко, Н. Невзорова, А. Незеленова, А. Новикова, Н. Носкова, Д. Овсяннико-Куликовского, В. Оголевеца, О. Орлова, В. Основина, В. Павлова, П. Перлова, С. Петрова, Д. Полевого, Н. Порфиридова, В. Пузицкого, Д. Райхина, В. Саводника, В. Семевского, Н. Сильванского, А. Соловьёва, Н. Спицыной, В. Стражева, Н. Страхова, В. Стоюнина, Н. Трифонова, И. Успенского, Н. Фатова, В. Фёдорова, А. Филонова, С. Флёрова, С. Флоринского, Т. Чирковской, С. Шамбинаго.

Вступление

Среди драматических произведений Пушкина первое место занимает историческая хроника «Борис Годунов», написанная в течение 1825 года и заключающая в себе художественное изображение исторических событий от 1598 года, то есть от вступления Бориса Годунова в царствование и до смерти его сына Феодора в 1605 году. «Поэт, – говорит А. Незеленов, – глубоко любил свою драму и совершенно сознавал и ее общее значение, и ее значение, так сказать, субъективное по отношению к его собственной личности, и потому он долго не решался выпустить ее в свет; она появилась в печати, как известно, лишь через пять лет после написания. Взволнованный ожиданиями и сомнениями (как ее встретит читающее общество?), Пушкин писал тогда одному из своих знакомых: «Хотя я вообще довольно равнодушен к успеху или неудаче своих сочинений, но, признаюсь, неудача «Бориса Годунова» будет мне чувствительна, а я в ней почти уверен... Писанная мною в строгом уединении, вдали охлаждающего света, плод добросовестных изучений, постоянного труда, трагедия сия доставила мне все, чем писателю насладиться дозволено: живое занятие вдохновению, внутреннее убеждение, что мною употреблены были все усилия, наконец – одобрение малого числа избранных».

Трагедия «Борис Годунов» состоит из 23 сцен.

По С. Бураковскому

Трагедия «Борис Годунов» была написана Пушкиным в селе Михайловском, в 1825 году. Вместе с «Евгением Онегиным», она принадлежит к числу лучших и любимейших его созданий. Сам Пушкин ценил ее очень высоко и возлагал на нее большие надежды. Во время работы над трагедией талант его достиг полной зрелости: Пушкин ясно сознавал свои силы и чувствовал себя способным к самобытному творчеству. Задумывая «Бориса Годунова», он хотел создать образец народной драмы и таким образом освободить русский театр от господства французского классицизма. Французским трагикам и их русским подражателям Пушкин противопоставлял Шекспира, с произведениями которого познакомился в это время и который произвел на него очень сильное впечатление.

По В. Саводнику

В трагедии «Борис Годунов» Пушкин отразил события из русской истории начала XVII века, ярко и живо показал эпоху «смуты». В качестве действующих лиц трагедии он вывел представителей всех социальных групп того времени, начиная с царя Бориса и бояр и кончая народными массами.

Пушкин не случайно взялся за обработку этого исторического материала в художественной форме. Он нашел много сходного в положении России своего времени, в отношениях между царской властью и народом конца первой четверти XIX в. и России конца XVI – начала XVII веков и показал, как глубоко разобщены царь и народ.

Своей трагедии Пушкин придал характер народной драмы, что для русской литературы было совершенной новостью. Черты ее народности явно сказываются и в изображении массовых сцен, и в обрисовке таких действующих лиц, как беглые пройдохи-монахи, юродивый, хозяйка корчмы на литовской границе и др. В этих-то сценах поэт и обнаружил прекрасное знание подлинно народной речи.

Свою трагедию Пушкин закончил чуть раньше, чем за месяц до исторического дня – 14 декабря 1825 года, и результатами труда был очень доволен, хотя и понимал, что провести ее через цензуру будет трудно. В этом он не ошибся: только через пять лет, и то с некоторыми сокращениями, удалось наконец ее напечатать.

По С. Флоринскому, Н. Трифонову

«Борис Годунов» – одно из гениальнейших произведений великого поэта. Но относительно его сущности в литературе существуют разноречивые мнения: одни видят в нем лишь драматизированный рассказ об историческом событии, другие – драму в собственном смысле этого слова. Известно, что существенным признаком драмы служит действие, борьба главного действующего лица с окружающей его обстановкой или с самим собой. Несомненно, что главное действующее лицо в данном произведении Пушкина – избранный на царство Борис Годунов. И хотя он уже преодолел все препятствия, достиг намеченной цели, тем не менее продолжает действовать и бороться. Эта борьба заключается, с одной стороны, в преодолении тех препятствий, которые мешают Борису передать с таким трудом добытый престол сыну Феодору и вообще дальнейшему потомству, с другой стороны и главным образом – в его борьбе со своей совестью. Эта двоякая борьба заставляет Бориса действовать и ставит его в истинно трагическое положение, внушая к нему, согласно требованиям драматической поэзии, и ужас, и сострадание и удивление. Вот почему надо считать «Бориса Годунова» драмой, носящей на себе яркий отпечаток истинного гения.

По Д. Полевому

«Борис Годунов» Пушкина представляет одно из в высшей степени замечательных явлений русской литературы. Сам Пушкин говорил о «Борисе Годунове»: «Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе Отца нашего – Шекспира...» «...Я твердо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедии Расина...».

Своим учителем в области драмы Пушкин считает Шекспира. Он создает «Бориса Годунова» в духе так называемой шекспировской исторической хроники. Его трагедия состоит не из обычных «действий», а из ряда драматических картин.

Создавая «Бориса Годунова», Пушкин, прежде всего, нанес сокрушительный удар пережиткам драматургии классицизма, основанной

на законе трех единств (времени, места, действия). Пушкин разрушил мертвую подражательность, которая в русской литературе играла роль «прокрустова ложа», обязывая любое произведение, любую тему втискивать в узкие средневековые правила трех единств. Пушкин отверг классицистические правила трех единств.

Но он отверг и четвертое, неписаное правило поэтики классицизма – «единство языка», которое обязывало всех героев говорить одним и тем же шаблонным языком. Что могло быть более чуждым самобытности, более ограничивающим возможность развития самобытного таланта? Пушкин отверг это правило и, создавая трагедию «в духе отца нашего Шекспира», имел в виду прежде всего народные законы драмы, а не классицистические, аристократические, придворные.

Окончив «Бориса Годунова», Пушкин, находясь в Михайловском, торжественно и веселился наедине с собой, бил в ладоши и кричал в восторге: «Ай да Пушкин!..» Однако Пушкин опасался, что драму не пропустит цензура, и его опасения оправдались.

В 1826 году Пушкин читал «Бориса Годунова» в товарищеском кругу у Соболевского. После чтения разнеслась весть, что в России появилась первая великая трагедия. Бенкендорф потребовал от Пушкина текст трагедии, чтобы оценить жандармским оком, все ли там на месте. Но так как он сам в этом деле был такой же мастер, как осел в соловьином пении, то призвал на помощь Ф. Булгарина, который, прочитав «Бориса Годунова», написал резолюцию: «Литературные достоинства гораздо ниже, нежели мы ожидали».

Узнав об отзыве Булгарина, Николай I, не читая драмы, наложил резолюцию: «Я считаю, что цель господина Пушкина была бы выполнена, если бы с нужным очищением переделал комедию свою в историческую повесть или роман наподобие Вальтер Скотта».

Николаю I невдомек было, что это вовсе не комедия, а трагедия; однако он был раздражен, не тем, что Пушкин написал трагедию или комедию, а тем, что Пушкин написал такое произведение, которое представляло современного читателя через историческую трагедию видеть многие современные события в аспекте политического обличения. Булгарин, несмотря на свою бездарность, не мог не понимать, что трактовка Бориса Годунова как узурпатора, захватчика власти, цареубийцы, содержала в себе прозрачный намек на современные, никем не забытые в России обстоятельства, связанные с убийством Павла I, которое было делом рук его сыновей. Последние, как и Борис Годунов в пушкинской трагедии, воспользовались цареубийством, чтобы захватить освободившийся царский престол. Главный «судья» пушкинской трагедии запретил ее к печати, и Пушкин был вынужден, не отступая от главной идеи трагедии, кое-что в ней изменить с целью продвижения в печать. Разрешение на печать было выдано только в апреле 1830 года, но трагедии не суждено было появиться на сцене при жизни автора.

По И. Астахову

Борис Годунов

Центральный образ трагедии – Борис Годунов. Изображая царя Бориса, Пушкин в основном следовал Карамзину, видевшему в царе Борисе преступника, убийцу малолетнего царевича Димитрия. Но творческий гений Пушкина преодолел влияние Карамзина. Пушкин дал в трагедии не односторонний образ царя–убийцы, а живой образ человека во всей глубине, сложности и противоречивости его психологии.

Царь Борис предстает в трагедии как «царь умный, способный и опытный» (Белинский), как человек, наделенный целым рядом положительных свойств. Это не изверг по натуре. Убийцей сделала его неудержимая страсть властолюбия, и Борис всю жизнь жестоко терзается от сознания совершенного им преступления.

Борис, прежде всего, – мудрый и опытный правитель. Еще при царе Федоре он фактически обладал всей полнотой власти, так как «царь на все глядел очами Годунова». Вступив на престол, он стремится завоевать расположение народа, старается

*...народ
В довольствии, во славе успокоить,
Щедротами любовь его снискать...*

Сначала это ему удастся. Боярин Воротынский, враг Бориса, признает:

*А он умел и страхом и любовью
И славою народ очаровать.*

Басманов тоже отмечает у Бориса «высокий дух державный» и верит, что царь сотворит еще в России много добра. Ум, энергия, попытка найти поддержку в народе, мудрые правительственные реформы вроде проекта уничтожения местничества («Не род, а ум поставлю в воеводы») – все это характеризует Бориса как опытного правителя страны.

Положительным качеством Бориса является также его взгляд на просвещение. Борис признает высокое значение науки. Он говорит сыну:

*Учись, мой сын: наука сокращает
Нам опыты быстротекущей жизни...
...Учись, мой сын, и легче и яснее
Державный труд ты будешь постигать.*

В сцене разговора Бориса с сыном Феодором и дочерью Ксенией выступает еще одна положительная черта царя. Он – любящий и нежный отец, глубоко страдающий горю дочери и с искренней заботливостью воспитывающий сына, своего будущего преемника. Теплотой и задушевностью веет от его беседы с Феодором и Ксенией.

Мудрый правитель, умный человек, нежный отец, Борис оказывается в то же время глубоко несчастным. Образ его полон истинного трагизма. Почему?

Борис когда-то проложил себе дорогу к власти убийством царевича Димитрия. Это превратило всю его жизнь в мучительную трагедию,

наполнив его душу тяжкими угрызениями совести. Свое тягостное душевное состояние он выражает в следующих словах:

И все тошнит, и голова кружится,

И мальчики кровавые в глазах...

...И рад бежать, да некуда... ужасно!

Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

Ни власть, ни жизнь не веселят Бориса. Он предчувствует «небесный гром и горе», то есть неминуемое возмездие за преступление, и сознание обреченности преследует его на протяжении всего царствования. Самый характер его под влиянием тяжелой душевной борьбы изменяется: Борис делается подозрительным, вводит в систему доносы и шпионство, допускает ряд жестокоостей. Он страшен и жесток, когда борется за корону.

Изнемогая под тяжестью мрачной тайны своего преступления, Борис чувствует, что народ начинает относиться к нему с упорным недоверием. Виновником этого недоверия было отчасти боярство, враждебное Борису, умевшее «народ искусно волновать». Но в основе недоверия народа лежал взгляд на царя как на убийцу. Народ обвиняет Бориса даже в тех преступлениях, которых он не совершал: и в смерти жениха Ксении, и в ускорении кончины царя Федора, и в отравлении царицы, жены Федора (сестры Бориса). Отмена Юрьева дня, в которой народ обвинял Бориса, окончательно отшатнула от него народную массу. Призрак народной любви рассеялся.

Годунов тяжело переживает такое отношение к нему народа, но изменить его он бессилен. Он приходит к мрачному выводу:

Живая власть для черни ненавистна.

Они любить умеют только мертвых...

Борису приходится выдерживать в конце царствования двойную борьбу: под Севском, Путивлем, Кромами – с Самозванцем, а в Москве – с народом и боярами. Он ясно сознает, что успех его борьбы с Самозванцем зависит от настроения народной массы, и говорит Басманову:

Лишь дай сперва смятение народа

Мне усмирить.

Но «мнение народное» было против него. Сознание непрочности своего положения и душевный разлад надломили сильный организм царя. «Шапка Мономаха» досталась ему ценой таких тяжелых мук, которых он не вынес.

Так Пушкин подчеркнул в трагедии зависимость судьбы царя от отношения к нему народа. Это усилило трагизм образа Бориса, сделало этот образ еще глубже, выразительнее, жизненно правдивее. Но Пушкин дает в трагедии не только моральную, но и политическую оценку личности Бориса. Борис – носитель идеи самодержавия. Все добрые намерения его разбиваются о смутное, глухое недоверие народа не только потому, что народ видит в нем убийцу царевича Димитрия, но и потому, что Борис – сила, политически противостоящая народу. Сам Борис говорит так:

Лишь строгостью мы можем неусыпной

Сдержать народ. Так думал Иоанн,

*Смиритель бурь, разумный самодержец.
Так думал и – его свирепый внук.*

Народ чувствует это и отказывает Борису в поддержке.

По А. Зерчанинову, Н. Колокольцеву, В. Литвинову

Основная тема трагедии – царь и народ – определила то важное место, которое отвел Пушкин в своей трагедии образу Бориса Годунова, раскрытому широко и разносторонне: Борис показан и как царь, и как отец, и как личность.

Привлекательны человеческие качества Бориса: его огромный ум, могучая воля, отзывчивость на страдания людей, искреннее желание «свой народ в довольствии, во славе успокоить, щедротами любовь его снискать». Как нежный отец, он искренне скорбит о горе своей дочери, потрясенной неожиданной смертью жениха. Как человек, глубоко понимающий пользу образования, он хочет, чтобы его сын вырос человеком культурным, и радуется его успехам в науке.

Борис – опытный и мудрый исторический деятель, правитель. Он трезво учитывает отношение к нему бояр, понимает всю сложность обстановки в стране и дает разумные советы своему сыну в предсмертном завещании. Просватав дочь за шведского королевича, он думал об укреплении связей Руси с западноевропейскими государствами.

Но царь Борис – типичный представитель царского самодержавия, которое начало складываться в Московской Руси со времени Ивана III и достигло расцвета при Иване IV. Борис продолжает политику сосредоточения всей государственной власти в руках царя, проводившуюся Иваном III и Иваном IV. Он продолжает их борьбу с родовитым боярством, которое возглавляли потомки удельных князей, и, как Иван Грозный, опирается в этой борьбе на служилое дворянство. Назначая Басманова командующим войсками, Борис говорит ему: «Пошлю тебя начальствовать над ними: не род, а ум поставлю в воеводы». И дальше царь сообщает Басманову о своем намерении вообще отменить местничество и таким образом лишить боярство его привилегий. Борис продолжает политику московских царей и по отношению к народу: «Лишь строгостью мы можем неусыпной сдержать народ. Так думал Иоанн (III), смиритель бурь, разумный самодержец, так думал и – его свирепый внук» (Иван IV). Но в закабалении крестьян Борис идет еще дальше своих предшественников. Он «Юрьев день задумал уничтожить», то есть лишить крестьян права переходить от одного помещика к другому, тем самым окончательно прикрепив крестьян к помещикам.

Такая крепостническая политика Бориса усиливает сначала недоверчивое, а потом враждебное отношение к нему народа. Характеризуя правление Годунова, Афанасий Пушкин говорит Шуйскому:

А легче ли народу?

Спроси его. Попробуй самозванец

Им посулить старинный Юрьев день,

Так и пойдет потеха.

Но в изображении Пушкина Борис типичный московский царь не во всем: он отличается от своих предшественников тем, что он царь-узурпатор, ставший на престол при помощи преступления, а не в порядке законного престолонаследия. В XVII в., как об этом говорят письменные источники того времени, Бориса Годунова считали убийцей царевича Дмитрия, сына Ивана IV. Такого же мнения придерживался и Карамзин. Мало того, Карамзин самую трагедию Бориса рассматривает как следствие его преступления: Бог наказал Бориса за убийство царевича-младенца.

Пушкин, «воскрешая век минувший во всей его истине», тоже рисует Бориса как цареубийцу, но, в противоположность авторам XVII в. и Карамзину, он не этим преступлением объясняет несчастливое царствование Бориса и постигшую его неудачу основать царскую династию Годуновых.

Убийство Дмитрия причиняет Борису душевные мучения, обостряет нелюбовь народа к нему, но не оно главная причина трагедии Бориса. Гибель Бориса обусловлена социальными причинами, борьбой классовых сил. На борьбу с Борисом выступило боярство, донские казаки, пославшие Карелу к Самозванцу с обещанием помочь ему достичь престола, Польша, поддерживавшая Самозванца из своих соображений, но главное – народ. Гаврила Пушкин правильно говорит Басманову, что Самозванец силен не «польскою помощью» и не казаками, а «мнением народным». Народ восстал против Годунова, и в этом главная причина гибели Бориса, так как народ – основная, решающая сила истории.

Народ же отвернулся от Бориса и потом восстал против него потому, что видел в нем деспота, который не только не заботится о благе народа, но, напротив, ухудшает его положение, закрепощая крестьянство помещикам; видел в нем убийцу царевича; рассматривал все его «благоденствия» и «щедроты» как средство «удержать смятение и мятеж».

Так Пушкин, раскрывая образ Бориса, ответил на вопрос о взаимоотношении царя и народа. Он показал, что основная причина трагедии Бориса в том, что он лишился уважения, любви, доверия и поддержки народа.

По С. Флоринскому

Главным героем трагедии Пушкина является царь Борис Годунов. Характер его представлен Пушкиным во всей полноте, сложности и разнообразии его жизненных черт. Хотя главной страстью Бориса, двигательной пружиной его поступков является властолюбие, однако Пушкин не основал на нем одном всей характеристики своего героя и таким образом избежал односторонности в обрисовке действующих лиц, в которую часто впадали драматурги классицизма. Наоборот, у Пушкина Борис изображен всесторонне, изображен как человек и как правитель, со всеми своими положительными и отрицательными качествами, причем в характеристике Пушкина эти положительные черты значительно перевешивают, и благодаря этому личность Бориса невольно привлекает к себе симпатии, возбуждает сочувствие. Такое впечатление, несомненно, вхо-

дило в художественные расчеты Пушкина: благодаря ему, Борис получает значение истинно трагического лица. Это человек, богато одаренный от природы, одушевленный стремлением к общему благу, способный принести великую пользу народу и государству. В то же время это человек, который, совершив для достижения власти кровавое преступление, сам становится жертвой своего злодеяния, мучится угрызениями совести. Все его благие стремления и начинания оканчиваются неудачей, он оказывается бессильным и беззащитным перед лицом опасности, угрожающей крушением всех его планов и гибелью его самого и всего его семейства – гибелью, в которой видится действие небесного правосудия, карающего Бориса за совершенное преступление.

Как правитель, Борис обладает в высокой степени качествами, особенно необходимыми для государственного деятеля. Это прежде всего его светлый ум и широта взгляда – «высокий дух державный», по выражению Басманова. Будучи сам человеком необразованным, Борис, однако, вполне понимает цену образования и пользу его для государства. Поэтому он заботится об образовании сына, следит за его занятиями, поощряет к уче-
нию, ясно сознавая необходимость знания, особенно для правителя:

*Учись, мой сын: наука сокращает
Нам опыты быстротекущей жизни –
Когда-нибудь, и скоро, может быть,
Все области, которые ты ныне
Изобразил так хитро на бумаге,
Все под руку достанутся твою.
Учись, мой сын, и легче и яснее
Державный труд ты будешь постигать.*

Умирая, Борис советует сыну быть «милостивым, доступным к иноземцам» и «доверчиво их службу» принимать, потому что в них видит носителей европейского просвещения, столь необходимого для России. Этот же широкий государственный ум Бориса сказывается и в его отношении к обычаю местничества: он ясно понимает, какое зло для государства проистекает от этого обычая, настолько укоренившегося, что даже царь Иоанн Грозный, несмотря на свою вражду к боярству, не решался его нарушать. Борис же решается уничтожить этот «гибельный обычай»: посылая Басманова, человека незнатного, но способного, начальствовать над войском, он говорит: «Не род, а ум поставлю в воеводы». Чтобы бороться против векового обычая, чтобы ради реальной пользы «презреть ропот знатной черни», нужно было обладать большим запасом решимости и энергии – качествами, необходимыми для правителя, если он хочет успешно проводить в жизнь свои предначертания.

Но кроме ума и энергии, необходимых для правителя, у Бориса есть искреннее желание употребить свои силы и способности на благо подданных. Борис властолюбив, но его властолюбие не связано с низменными, корыстолюбивыми, эгоистичными мотивами, как, например, у

Мазепы. Принимая власть, к которой он проложил себе путь преступлением, Борис искренно хочет быть царем «благим и праведным», заслужить себе любовь народа – такой торжественный обет он дает после своего избрания перед лицом Патриарха, духовенства и бояр. Обет не был лицемерным, он выражал действительное настроение Бориса – это явствует из его монолога. Наедине с собой Борис не имел никакой надобности лгать или притворяться, а между тем он повторяет то же самое, что говорил публично при вступлении на престол:

*... Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить.
Щедротами любовь его снискать...*

Таким образом, мы видим, что при своем вступлении на престол Борис был одушевлен лучшими намерениями, действительно хотел принести пользу своим подданным, хотел благодеяниями народу искупить совершенное им преступление. Это доказывает, что Борис вовсе не был закоснелым злодеем, что в основе его натуры лежат светлые, здоровые черты, и если он доходит до кровавого преступления, то лишь под влиянием овладевшей им страсти – властолюбия. Но сознание собственной преступности мучит его, угрызения совести преследуют его, в душе его нет ни счастья, ни спокойствия, его терзают темные предчувствия:

*Напрасно мне кудесники сулят
Дни долгие, дни власти безмятежной –
Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горе.
Мне счастья нет...*

«Да, жалок тот, в ком совесть нечиста» – с горечью произносит он в конце своего монолога. Душевные страдания неотступно преследуют Бориса. Даже во сне не находит он себе отрады и успокоения: «Так вот зачем тринадцать лет мне сряду – все снилось убитое дитя!» – восклицает он после первого известия о Самозванце. Единственным утешением для него является мысль, что сын невиновен в совершенном им злодеянии и что он станет царствовать после отца уже «по праву». Но и здесь его преследует опасение – не отразится ли его вина на судьбе детей. Утешая Ксению, потерявшую своего жениха, он говорит:

*Я, может быть, прогневал небеса,
Я счастье твое не мог устроить.
Безвинная, зачем же ты страдаешь!*

Вообще отношение Бориса к семье, к детям является одной из наиболее симпатичных сторон его характера. Эти отношения отличаются теплотой и задушевностью, рисуют его как нежного и любящего отца. Особенно ярко его глубокая любовь к сыну обнаруживается в сцене прощания перед смертью. Рискуя остаться без покаяния, он пользуется последними минутами жизни для того, чтобы дать Феодору наставления относительно его будущей правительственной деятельности.

*...О Боже, Боже!
Сейчас явлюсь перед Тобой – и душу
Мне некогда очистить покаяньем!
Но чувствую – мой сын, ты мне дороже
Душевного спасенья... так и быть!*

К мучениям совести, терзающим Бориса, присоединяются еще огорчения, вызванные сознанием враждебного отношения к нему не только бояр, но и народа. Как человек умный, Борис ясно понимает, что для прочности его власти необходимо, чтобы она опиралась на народную любовь. Поэтому он старается привлечь к себе сердца своих подданных всеми мерами: милостями, щедростью, благодеяниями.

Однако все его старания остаются тщетными: народ не только не любит Бориса, но он считает его виновником всех своих бедствий и возводит на него совершенно нелепые обвинения в смерти царицы, его родной сестры, и жениха дочери, датского королевича. Такое отношение народа приводит к тому, что любовь Бориса к народу превращается в озлобление. В его душе получают перевес темные силы: он становится мрачным, подозрительным, жестоким, прибегает к казням и пыткам, усугубляет систему шпионства, старается действовать уже не милостью, а страхом – и этим возбуждает против себя всеобщее негодование.

Но чем же вызвано такое отношение народа к Борису, который в начале царствования так заботился о привлечении к себе любви народной? Главная причина такого отношения – недоверие народа к Борису: народ видит в нем преступника, убежден, что убийство Димитрия совершено по его желанию, и потому считает его способным на всякое другое преступление, на всякое злое дело. Более того, совесть самого народа неспокойна: выбрав царем заведомого преступника, убийцу законного наследника, народ тем самым стал как бы причастен к преступлению Бориса, поэтому он считает, что вина Бориса легла тяжелым бременем и на него самого. Настроения народа прямо высказывает Пимен:

*О, страшное, невиданное горе!
Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли.*

В этом смысле вся сцена в Чудовом монастыре имеет глубокое символическое значение. Летописец представляет собой как бы живое воплощение народной совести, смущенной преступлением царя; он – носитель нравственного сознания, законы которого нарушены Борисом. Поэтому Пимен первым неведомо для самого себя дает толчок к смуте, которая должна привести к гибели всех планов Бориса, он первым зароняет мысль о самозванстве в душу своего послушника – из его кельи выходит Самозванец, долженствующий служить орудием наказания за погранный нравственный закон. Быть может, именно для того чтобы яснее подчеркнуть внутренний смысл сцены в Чудовом монастыре, Пушкин исключил из пер-

вого издания трагедии следовавшую за ней сцену со «злым чернецом», становящимся инициатором дерзкого замысла Григория Отрепьева.

Таким образом, истинная причина гибели Бориса и крушения всех его планов заключается в попрании нравственного закона. Между народом и Борисом стоит тень убитого царевича, и народ, сознавая преступность царя, не может доверять ему – об это глухое и упорное недоверие народа разбиваются все благие стремления Бориса. В том и заключается истинный трагизм его положения, что, несмотря на все свои государственные способности, на ум и энергию, на искреннее желание принести пользу родине, он не в силах ничего изменить, потому что над ним тяготеет совершенное преступление, лишаящее его не только душевного покоя, но и народной любви и поддержки.

По В. Саводнику

В своих трагедиях Пушкин показал себя великим знатоком человеческого сердца. В исторической драме «Борис Годунов» рассказана трагедия царя Бориса, достигшего престола неправым путем. Пушкин рисует характер Бориса всесторонне: и как честолюбца, которого мучит совесть, и как мудрого правителя, который искренно желает принести пользу народу, но не может сделать чуда, не может осчастливить разоренную, истерзанную Смутным временем, войнами, болезнями, голодом, боярской эксплуатацией и всякими напастями Русь. Борис представлен не только как правитель, как царь, но и как человек, семьянин, отец, заботящийся о судьбе своих детей.

Пушкин понимал, что не бывает людей абсолютно плохих, как не бывает и абсолютно хороших. Добро и зло в человеческой душе причудливо переплетаются, и очень трудно дать человеку окончательную оценку.

По Н. Фатову

В изображении характеров своей трагедии Пушкин старался подражать Шекспиру, что яснее всего видно на характере Бориса. Годунов, изображенный Пушкиным, наделен многими положительными качествами. Как правитель он обнаруживает высокий ум: назначает воеводой Басманова, человека незнатного рода, обещая уничтожить губительный обычай местничества и тем возвысить личные достоинства каждого, его ум, а не происхождение. Борис попечительный и заботливый отец семейства: он интересуется учебой сына, искренно сострадает горю Ксении, оплакивающей своего жениха.

Однако когда Борисом овладевает страсть властолюбия, она заглушает в нем доброе начало. Достигнув трона путем преступления, Борис начинает осознавать свой грех; им овладевают чувство страха и угрызения совести. Он делается суеверным, обращается к колдуну и ворожеям, гадает, как «красная невеста»; его оставляет доверие к людям, и потому он становится подозрительным и жестоким, преследует бояр, подвергая их

опале или осуждая на позорную смерть. К народу, которому прежде оказывал благодеяния, Борис теперь относится со злобой и говорит о нем: «...Твори добро – не скажет он спасибо; грабь и казни – тебе не будет хуже». Душевная тоска всецело овладевает Борисом, и под влиянием ее он теряет себя Шуйскому, когда тот рассказывает о появлении Самозванца, принявшего на себя имя убитого царевича Дмитрия; во время рассказа Патриарха о чудесном исцелении перед гробом царевича обливается потом, бледнеет и, наконец, неожиданно прерывает совещание думы.

По С. Бураковскому

Трагедия «Борис Годунов» начинается целым рядом сцен, сопрождавших избрание Бориса на царство.

Еще из разговоров бояр Воротынского и Шуйского мы узнаем, что Борис был тайный убийца царевича Дмитрия.

Действительно, подобные слухи ходили в народе, и поддерживало их главным образом старинное боярство, которое не любило Годунова как человека, получившего боярское звание при Иоанне Грозном и правившего государством при его преемнике Феодоре. Разумеется, Годунов воспользовался своим положением, чтобы заблаговременно подготовить себе дорогу к престолу. Уже при Феодоре он расположил к себе мелкопоместных дворян, большая часть духовенства вместе с Патриархом также было на его стороне.

Наконец наступил момент, когда старая родовая знать должна была сознаться, что

*Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмет венец и бармы Мономаха...*

Борис ничем не был связан с преданиями знатных родов, которые гордились своим древним происхождением.

Не в этих преданиях он искал опоры для своего могущества, а в самом себе, в своей личной энергии:

*...он умел и страхом и любовью
И славою народ очаровать.*

Он стремился достигнуть московского престола – и вот

*...вся Москва
Сперлася здесь; смотри: ограда, кровли,
Все ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народом.*

Перед ним выборные люди, бояре, вся Москва и сам владыка-патриарх; все плачут, рыдают и зовут его на престол:

Будь наш отец, наш царь!

Годунов, пролив кровь, совершив убийство царевича, упрямится, он отказывается и медлит, так как хорошо знает, что обязанности царя тяжелы. Медлит Борис также и оттого, что хочет видеть всю Россию у

своих ног, молящую его взойти на праздный престол в Москве, если уже суждено быть ему царем. И наконец —

Венец за ним! он царь! он согласился!

Не совсем искренни слова Годунова, сказанные Патриарху и боярам тотчас после избрания его:

*Обнажена душа моя перед вами:
Вы видели, что я приемлю власть
Великую со страхом и смиреньем.*

На эту хитрость Годунова Шуйский обратил внимание Воротынского, который припомнил в это время слова Шуйского:

*Народ еще повоет, да поплачет,
Борис еще поморщится немного,
Что пьяница пред чаркою вина,
И наконец по милости своей
Принять венец*

смирненно согласится...

На самом же деле Борис не мог перед всеми обнажать свою душу с ее роковой тайной, которая и была главной причиной его страха и смирения. Разумеется, в эту торжественную минуту проявлялись лучшие чувства его души. Он полагал, что Россия найдет в нем достойного царя, который будет стараться все сделать для счастья народа; он искренно верил, что сможет дать это счастье и тем самым залечить свою душевную рану. Это видно из его молитвенного обращения к ангелу-царю, Феодору:

*И ниспошли тому, кого любил ты,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славе свой народ,
Да буду благ и праведен, как ты.*

Изображая светлые стороны души царя, Пушкин выводит личность Годунова как правителя с душою русскою, благоверного царя. Борис согласился на принятие царского достоинства и стремится ознаменовать первые минуты в этой новой жизни:

*Теперь пойдем, поклонимся гробам
Почиющих властителей России,
А там — сзывать весь наш народ на пир,
Всех, от вельмож до нищего слепца;
Всем вольный вход, все гости дорогие.*

Вглядываясь в эту черту Бориса, невольно замечаешь в нем русского царя-батюшку. Как царь, он стремится принять всех подданных в свое царское жилище, за одним столом он хочет потчевать всех подданных, власть над которыми ему дал сам Бог.

Но шесть лет спустя после начала царствования Борис разочаровывается в жизни:

*Ни власть, ни жизнь меня не веселят.
Предчувствую небесный гром и горе.
Мне счастья нет.*

Не любит его народ – в этом все его горе. Ничего не щадил он, чтобы «в довольствии народ свой успокоить», особенно во время голода и пожара. Но, принимая щедроты и милости царские, народ проклинал самого царя как виновника всех бед. Борис расценивает это так:

Живая власть для черни ненавистна.

Они любить умеют только мертвых...

Преследуемый различного рода бедствиями, он желает узнать свое будущее, а потому зовет к себе кудесника. Бедствия народа приводят Годунова, к отчаянью и в исступлении он произносит: «Все я...»

Царь не нашел в народе нравственной опоры для своей власти. Ядовитое жало клеветы проникло даже в его семейную жизнь: говорили, что он отравил сестру свою, вдову покойного царя Феодора, и жениха своей дочери, королевича Датского. Это было в высшей степени жестоко и несправедливо, потому, что Борис был примерным отцом семейства.

Итак, ему не оставалось ничего другого, как искать опоры в самом себе. И он ищет ее.

*Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою.
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось,
Тогда – беда!..*

В сознании своей невинности он произносит слово «совесть», и вдруг замечает, что он не поддается тому течению мыслей, которое направлено было к обвинению народа. Обвинитель щадит себя и не хочет признаться себе в том, что хотел быть «благим» царем, но никогда не был «праведным», что его желание народного счастья было не что иное, как сделка с совестью. Понятно, что он искал не столько народной любви, сколько популярности, которая была для него необходима как защита от врагов. Когда же царь заглянул в свою совесть, он понял ее ответ и сам признался, что «жалок тот, в ком совесть нечиста».

Совесть окончательно сгубила Годунова. Она была послана из могилы убитого по его приказанию царевича Димитрия, а самого царя теперь

...все тошнит, и голова кружится,

И мальчики кровавые в глазах.

Еще один раз проглядывают светлые стороны души Бориса, когда он беседует со своими детьми: утешает дочь, оплакивающую своего жениха, советует сыну учиться и хвалит сладкий «плод ученья». Сцена эта служит образцом простой, душевной, семейной беседы отца с детьми.

Предположение Шуйского о возможности восстания народа после появления воскреснувшего Димитрия приводит царя в отчаяние; он за-

пинается и не знает, за какую мысль ухватиться, велит удалиться царевичу, приказывает оградить Россию от Литвы заставами, насмехается над тем, что мертвые могут

*Допрашивать царей, царей законных,
Назначенных, избранных всенародно,
Увенчанных великим патриархом.*

Он требует и от Шуйского смеяться над этой вестью, и здесь проглядывает еще одна черта его характера – хитрость. Борис будто бы он не знает о смерти царевича Дмитрия, закликает Шуйского сказать ему всю правду и грозит жестокой казнью за неправду.

Шуйский клянется, что своими глазами видел труп Дмитрия. Но Годунов не мог не сознавать правды в словах Шуйского: «Толпу безумцев привлечет Дмитрия воскреснувшее имя». Конечно, если бы Годунов не был участником убийства Дмитрия, то мог бы спокойно вступить в борьбу с мнимым Дмитрием или добровольно уступить свое место действительному Дмитрию.

Но положение его было совершенно иное: недаром ему тринадцать лет «сряду все снилося убитое дитя». В каком положении окажется он, если дитя это в свое время не было убито, а теперь найдутся свидетели преступлений царя? Тогда и отречение от престола не помогло бы ему, не сняло бы с него позора, и он не нашел бы поддержки ни в ком, даже в своем сыне. Разумеется, ему было важно знать, кто враг его. Это было для него равносильно вопросу: быть или не быть, можно ли рассчитывать на успех в это борьбе или нет. Слишком далеко зашел он в своем честолюбии, и падение с той высоты, на которой он теперь находился, было бы ужасным. Таким образом, отступление назад уже было невозможно, тем более что Шуйский решительно заявил: «...Сомненья нет: Дмитрий во гробе спит».

Слова эти давали Борису опору для самозащиты от обманщика, который сеет смуту в государстве:

*Кто на меня? Пустое имя, тень –
Ужели тень сорвет с меня порфиру,
Иль звук лишит детей моих наследства?
Безумец я! чего ж я испугался?
На признак сей подуй – и нет его.
Так решено: не окажу я страха, –
Но презирать не должно ничего...
Ох, тяжела ты шапка Мономаха!*

Тем не менее пришедшие бояре своими новостями заронили в душу царя тревогу и ожидание неминуемого наказания.

Годунов держит в боярской думе совещание, на котором Патриарх советует:

*...во Кремль святые мощи
Перенести, поставить их в соборе
Архангельском; народ увидит ясно*

*Тогда обман безбожного злодея,
И мощь бесов исчезнет яко прах.
Борис слушал, а бояре видели, как
...государь бледнел
И крупный пот с лица его закапал.*

Тревога царя растет, он чувствует потребность в посторонней поддержке и просит:

*Владыко патриарх,
Прошу тебя пожаловать в палату:
Сегодня мне нужна твоя беседа.*

Однако тревога не мешает царю сделать нужные приготовления к войне, и первоначально это имело успех. Войска Лжедмитрия разбиты полками Годунова, но эта победа в сущности ничего не меняла. Народ продолжает переходить на сторону Самозванца.

Тревожимый извне и потрясаемый изнутри, чувствуя, что трон начинает под ним колебаться, Борис внезапно заболевает; он чувствует приближение смерти и дает предсмертные наставления сыну о том, как править государством. Самые нежные чувства и заботы, самая глубокая политическая мудрость высказывается в последних словах Годунова.

*Обнимемся, прощай, мой сын: сейчас
Ты царствовать начнешь... о Боже, Боже!
Сейчас явлюсь перед Тобой – и душу
Мне некогда очистить покаятьсям.
Но чувствую – мой сын, ты мне дороже
Душевного спасенья...*

.....
*Будь милостив, доступен к иноземцам,
Доверчиво их службу принимай.
Со строгостью храни устав церковный;
Будь молчалив; не должен царский голос
На воздухе теряться по-пустому;
Как звон святой, он должен лишь вещать
Велику скорбь или великий праздник.*

.....
*Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами в порочных наслажденьях
В молодые дни привыкнул утопать,
Тот, возмужав, угрюм и кровожаден,
И ум его безвременно темнеет.
В семье своей будь всегда главою;
Мать почитай, но властвуй сам собою
Ты муж и царь; люби свою сестру,
Ты ей один хранитель остаешься.*

После наставления сыну наступил последний в этой жизни час для царя.

*Все кончено – глаза мои темнеют,
Я чувствую могильный хлад...*

*.....
Ударил час, в монахи царь идет –
И темный гроб моею будет кельей...*

В последние минуты земной жизни царь хочет со всеми помириться, дабы с миром и в мире отойти к источнику мира – Богу:
Я доволен.

*Простите ж мне соблазны и грехи
И вольные и тайные обиды...*

Святой отец, приблизься, я готов.

Таковы последние слова Годунова.

Таким образом, Пушкин создал образ Годунова ярко и всесторонне, со всеми положительными и отрицательными чертами, показав его добрую и светлую, мрачную и безотрадную стороны. Он хитер, он по-царски щедр и велик; у него светлый ум и широта взгляда – «высокий дух державный», но совесть его зазорна, больна; тяжелое пятно лежит на ней.

Совершеннее образа Годунова, каким он вышел у Пушкина, нельзя представить. Он уловил все те черты, которыми русский народ определил историческое лицо Годунова.

В трагедии «Борис Годунов» проводится мысль о том, что за преступление, подобное совершенному Годуновым, небесное правосудие карает беспощадно. Преступление это постоянно преследуется личными, семейными и государственными бедствиями.

Карамзин в своей «Истории Государства Российского» пишет: «Святая кровь Димитрия требовала крови чистой; и невинные пали за виновного, да страшатся преступники и за своих ближних».

Пушкин рассматривает Годунова так же, как Карамзин, то есть принимает за истину, что Борис был убийцей царевича. И невольно припоминаются слова: «И не уйдешь ты от суда мирского, как не уйдешь от Божьего суда!». Трагизм усиливается последними словами: «народ безмолвствует». Это молчание народа выражает собой ужас, охвативший народ при виде гибели невинных детей Годунова – искупительной жертвы за преступление отца.

По Б. Майкову

Борис – человек умный и далеко не злой. Ум его выражается в ясном понимании государственных нужд, в умении управлять таким громадным и тогда уже разнородным по составу государством, как Россия. Один из умнейших приближенных Бориса, Басманов, называет это «духом державным». Глубокой мудростью и опытом дышит его наставление сыну перед смертью: он советует ему избрать себе надежного советника, вести дела по-прежнему, не вводя новых порядков, стараться снискать расположение народа милостями в начале царствования, а потом понемногу восстановить

прежние строгости; советует пользоваться услугами нужных тогда России иностранцев, соблюдать церковные уставы, быть молчаливым и непорочным.

Кроме того, он сознает великий вред, приносимый государству местничеством, старается частными исключениями в пользу одного лица приучить к мысли о полном его уничтожении, советует сыну с твердостью снести боярский ропот по поводу назначения начальником войск неродовитого Басманова.

Он сознает пользу образования и, будучи сам необразованным, с удовольствием смотрит на сына, занимающегося науками.

Понимает Борис и непостоянство народа, и тщету всего земного. В особенности ясно это выражено в его знаменитом монологе; он не обольщает себя уверенностью в благодарности со стороны народа за все его благодеяния и сознает, что

Живая власть для черни ненавистна.

Они любить умеют только мертвых...

Но Борис не только умен, но и хитер; такой обдуманностью и хитростью дышит его речь перед боярами и патриархом после избрания: притворяясь вполне искренним и откровенным, он искусно льстит боярам напоминаям о том, что работал с ними вместе, но одновременно указывает и на громадную разницу прежнего и настоящего его положения:

...Когда труды я ваши разделял,

Не избранный еще народной волей.

В нравственном отношении Борис также является человеком привлекательным. Он горячо любит свою семью, заботится о будущей судьбе сына, скорбит о горе дочери, потерявшей жениха. Он хороший семьянин и хочет, чтобы и сын его был таким же. Он любит народ, заботится о нем в бедственные годы, желает видеть Россию образованной и могущественной.

Из данной характеристики можно заключить, что Борис – человек хороший, простой, умный. Но в душу его закрадывается одна страсть, делающая его жестоким, изменяющая весь его нравственный мир; эта страсть – властолюбие. Борис сам сознает ее, сознает ту ошибку, которую сделал, добиваясь и добившись царского престола; в прощальной перед смертью беседе с Феодором он говорит:

Я подданным рожден, и умереть

Мне подданным во мраке б надлежало...

В то же время он обнаруживает редкую нравственную мощь и любовь к сыну, решаясь пожертвовать последними минутами своей жизни для наставления ему вместо покаяния, которое могло бы успокоить его и очистить его душу. Каким-то ужасом веет от слов его:

Я, я за все один отвечаю Богу...

Невольно в душе возникает сострадание к человеку доброму, умному, достойному лучшей участи, но увлеченному гибельной страстью.

Помимо страха за сына в последние минуты жизни, Борис все время, начиная с момента, когда он узнал о смерти Димитрия, мучился угрызениями совести – значит, душа его не была испорчена. Он решился на преступление под влиянием властолюбия, но заплатил за него тяжелыми нравственными муками. Насколько тяжелы были эти муки, видно из слов Бориса:

И рад бежать, да некуда... ужасно!

Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

Кроме угрызений совести, его терзал и постоянный страх возмездия, потери царства и самой жизни, и страх не только за себя, но и за свою семью. Эта боязнь, что семье его придется расплачиваться за то, что он – ее любящий отец – совершил, поистине трагическая черта в характере Бориса. Под влиянием ее он теряет самообладание, сомневается в смерти царевича Димитрия, не знает, что предпринять. Те же угрызения совести и страх изменяют его характер, заставляют его совершать поступки, ему несвойственные: любя народ, заботясь о нем, он, мучась подозрениями, возобновляет пытки и казни; сознавая пользу и силу науки, гадает, делается суеверным. Эта душевная сумятица и есть Божья кара за совершенное преступление, помимо преждевременной смерти Бориса и гибели его семьи. Эта душевная мука так тяжела, что заставляет признать искупленным совершенное Борисом преступление. Так же относится к нему и Пушкин, который не произносит над Борисом сурового приговора, а напротив, вселяет в душу читателя сострадание к нему в сцене перед смертью.

По Д. Полевому

Борис – человек простой и добрый по основам своей души, с кротким сердцем и здравым смыслом. Но в его добрую и спокойную душу забралась тревожная страсть – властолюбие; эта страсть взволновала, потрясла душу Бориса и внесла в нее адскую муку. Драматизм личности Бориса состоит в противоречии этой страсти с общим мирным строем духа.

Борис – семьянин и нежный, любящий отец; теплом семейного чувства веет от сцены беседы его с детьми; он сострадает горю своей дочери, оплакивающей жениха:

Что, Ксения? что, милая моя?

В невестах уж печальная вдовица!

Он толкует с сыном о необходимости ученья, дает ему советы здравого смысла:

Учись, мой сын, и легче и яснее

Державный труд ты будешь постигать.

С особой силой выражается любовь его к Феодору перед смертью:

...Чувствую, мой сын, ты мне дороже

Душевного спасенья... –

говорит он и, рискуя упустить время для покаяния и принятия схимы, дает наставления неопытному юноше, который должен сейчас nasledовать власть.

Борис хочет быть отцом своего народа. Он не лгал, когда, вступая на престол, говорил боярам, что приемлет великую власть «со страхом и смиреньем»; он не лицемерил, обращаясь с молитвою к «ангелу царю», прося его благословения и обещая быть «благим и праведным»; он действительно хотел

*...свой народ
В довольствии, во славе успокоить,
Щедротами любовь его снискать...*

Умный человек, сам недостаточно образованный (он, например, не знаком с географической картой и спрашивает сына про Волгу: «А это что узором здесь виется?»), он здраво понимает пользу образования.

Он хочет уничтожить «гибельный обычай» местничества, презревши ропот бояр, ропот «знатной черни», он говорит Басманову, посылая его начальствовать над войском:

Не род, а ум поставлю в воеводы.

Простою душой своей он понимает всю суету земного величия, блеска и власти; он ясно сознает, что *кроме совести –*
...ничто не может нас *...здравая, она восторжествует*
Среди мирских печалей успокоить, *Над злобою, над темной клеветою...*

Но именно этого спокойствия совести, которое одно, по его убеждению, дает человеку истинное счастье, у него и нет. Чуждая его природе, тревожная страсть, ворвавшаяся в душу и овладевшая ею, довела его до преступления и отравила ему жизнь.

Будучи человеком прямым, Борис начинает хитрить, притворяться жаждущим покоя кельи и далеким от мысли о власти, ради которой пролита им «кровь царевича-младенца». Простой и спокойный, он теряется, делается мнительным, начинает повсюду подозревать измену, рассылает шпионов, подкупает боярских слуг, роняя достоинство своей власти, и

*...досужую порою
Доносчиков допрашивает сам.*

Он становится суеверным и, вопреки своему трезвому взгляду на жизнь, доверяется колдунам и ворожеям – беседа с ними делается его «любимой беседой»; он гадает, как «красная невеста», желая узнать, долго ли и безмятежно ли предстоит ему царствовать. Расположенный сердцем к народу, он перестает верить ему, со злобой и сомнением говорит про народ:

*Твори добро – не скажет он спасибо;
Грять и казни – тебе не будет хуже!*

Добрый, он решается на казни и чем далее, тем суровее и суровее расправляется с боярами; режутся языки и головы, людей тихо и тайно давят в тюрьмах; и тот, кто хотел быть благим и справедливым, воскре-щает времена Грозного и наконец сам доходит до сознания сходства своего с умершим царем-кровопийцей, с той лишь невыгодной для себя разницей, что тот казнил явно и открыто, на площади, а не тайно.

Целый ряд страшных противоречий! Раз ступив на дорогу преступлений, Борис, как по наклонной плоскости, все быстрее и быстрее опускается, вопреки своей воле, в пучину зла. Душа его была сильна когда-то своей цельностью; но страсть внесла в нее раздвоение, и теперь Борис не в силах сладить ни с этой страстью, ни с муками совести и изнемогает под их гнетом. Тринадцать лет, с самой минуты преступления снится ему «убитое дитя». Сначала он таил в себе свои мучения, но, когда начались грозные для него события, он теряется. Он невольно выдает себя Шуйскому, когда тот сообщает о появлении Самозванца, принявшего имя Димитрия: он то спрашивает боярина, зачем тот не смеется «затейливой» вести, то грозит страшной казнью за обман и умоляет открыть истину – действительно ли умер царевич. К прежним мукам присоединяются муки сомнения, и царю становится, наконец, не под силу тяжелой ценой купленная власть:

Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!

Вскоре невольно раскрывает он душу и перед всеми боярами: при рассказе патриарха о чуде на могиле царевича он бледнеет, обливается холодным потом. Но, владея собою, он вдруг неожиданно останавливает совещание думы и уходит в свои покои, прося Патриарха идти к нему:

Владыко патриарх,

.....

Сегодня мне нужна твоя беседа.

Внутренние муки раздвоения и упреков совести доводят царя до смерти. Тело не выдерживает душевных страданий.

Но он многое вынес в наказание за свое преступление, и есть что-то примирительное в предсмертной сцене, когда, готовый через несколько мгновений предстать на суд Божий, он в последний раз беседует с сыном и дает ему последние наставления. Теплом любви к Феодору и твердой искренней верой дышат слова:

Бог велик! Он умудряет юность,

Он слабости дарует силу...

Разумны его наставления сыну – как править царством; любовью и добром отзывается его совет будущему царю – отменить опалы и казни, и прекрасны возвышенно-нравственные слова:

Храни, храни святую чистоту

Невинности и гордую стыдливость...

Грешная и измученная душа Бориса совершила свое земное поприще, идет на Божий суд, и поэт кончает жизнь героя своей трагедии сценой, которая не оставляет в душе ничего томящего и злобного; поэт не взял на себя произнесение приговора над Борисом: объективный художник и теплый сердцем человек, он беспристрастно и гуманно отнесся к своему герою.

По А. Незеленову

В Борисе Пушкин дает типичного представителя московского самодержавия. Пушкинский Борис, «рожденный подданным» и достигший

«высшей власти» путем преступления, представлял в сонме московских царей некоторое исключение, но политически он совершенно совпадал с ними – продолжал основную политическую линию московской самодержавной власти. «Он правит нами, – жалуются бояре, – как царь Иван (не к ночи будь помянут)». Сам Борис берет себе за образец систему управления, осуществлявшуюся двумя наиболее выразительными московскими самодержцами: Иваном III и «царем Иваном», то есть Грозным. «Лишь строгостью мы можем неусыпной сдержать народ. Так думал Иоанн, смиритель бурь, разумный самодержец, так думал и – его свирепый внук». И эти воспоминания об Иване Грозном в устах Бориса не случайны. Борис действительно продолжает политику Ивана IV, для того времени прогрессивную, политику централизации государственной власти, «собрания» ее в одних руках для решения общенациональных задач. Политика эта осуществляется им в борьбе с феодальной раздробленностью, с эгоистическими интересами потомков бывших удельных князей и родовитого боярства, причем в этой борьбе он опирается на новых служилых людей, дворян Басмановых.

Борьба родовитого боярства с Борисом, в которой принимают участие и предки самого поэта («род Пушкиных мятежный»), составляет весьма существенный момент в той борьбе социальных сил. Но этим социальное содержание трагедии отнюдь не исчерпывается.

Царь, сокрушавший старинное боярство, был вместе с тем и царем-крепостником. Борис Годунов, по Пушкину, «Юрьев день задумал уничтожить» – запретил существовавшее ранее право крестьян в период за неделю до Юрьева дня (26 ноября) и в течение недели после него переходить от одного помещика к другому. Это окончательно прикрепило крестьян к помещику, положило начало так называемому крепостному праву. Именно этим и объясняется глубокое недоверие и нелюбовь народа к Борису, на что и рассчитывают в борьбе с царем мятежные бояре:

А легче ли народу?

Спроси его. Попробуй самозванец

Им посулить старинный Юрьев день,

Так и пойдет потеха, –

говорит Афанасий Пушкин Шуйскому. Слова эти не только соответствовали исторической действительности, но во времена Пушкина имели и острый злободневно-политический смысл. Недаром официальный рецензент Булгарин, которому Бенкендорф поручил дать отзыв на рукопись трагедии, писал по поводу приведенных выше слов: «Решительно должно выкинуть весь монолог» боярина Пушкина: «Во-первых, царская власть представлена в ужасном виде; во-вторых, явно говорится, что кто только будет обещать свободу крестьянам, тот взбунтует их».

По Д. Благому

Заключение

Глубочайший реализм в изображении духа эпохи, образов героев и языка эпохи делают трагедию «Борис Годунов» замечательным произведением русской драматургической литературы. Белинский характеризует трагедию Пушкина в следующих словах: «Словно гигант между пигмеями, до сих пор высится между множеством quasi-русских (лат. quasi значит: якобы, как бы) трагедий пушкинский «Борис Годунов», в гордом и суровом уединении, в недоступном величии строго художественного стиля, благородной классической простоты...»

По А. Зерчанинову, Н. Колокольцеву, В. Литвинову

Значение «Бориса Годунова» в истории русской драматургии огромно. Оно определяется прежде всего основными принципами художественного метода Пушкина, ярко проявившегося в его трагедии: реализмом, историзмом, вниманием к общественно-политической жизни, психологической глубиной в раскрытии образов, высокой простотой. Эти принципы Пушкина стали руководящими в творчестве последующих русских драматургов и прозаиков.

«Борисом Годуновым» Пушкин нанес сокрушающий удар по трагедии классицизма. После трагедии Пушкина классицизм уже никак не проявляет себя в русской драматургии. Отныне становится методом русских драматургов реализм.

От Пушкина, в частности от его «Бориса Годунова», идет характерная для русской драматургии широта охвата жизни, внимание к общественно-политическим вопросам, стремление отразить в самой композиции пьес характер изображаемой жизни. Ослабление сюжетной интриги, пренебрежение сценическими эффектами – характерные черты пушкинской трагедии – характерны для пьес Островского, Тургенева, Чехова.

«Борис Годунов» Пушкина велик тем, что это была, по справедливому утверждению Белинского, первая подлинная русская трагедия. В этом величии «Бориса Годунова». Своим творчеством, в частности своей реалистической, народной трагедией, Пушкин, как хорошо сказал А. Островский, «дал смелость русскому писателю быть русским».

По С. Флоринскому

Окончив «Бориса Годунова» в 1825 году, Пушкин долго не решался напечатать свою трагедию, ограничиваясь чтением ее в избранном кругу друзей и знакомых. В 1827 году он поместил отрывок из нее (сцену в Чудовом монастыре) в «Московском Вестнике», но только три года спустя решился приступить к печатанию, и 1 января 1831 года трагедия вышла в свет с посвящением «драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина». Такое долгое колебание объясняется тем, что

Пушкин не был уверен, сможет ли публика оценить по достоинству это произведение, которое он особенно любил и неуспех которого причинил бы ему большое огорчение. Опасения Пушкина оказались вполне обоснованными. Хотя трагедия имела внешний успех – в первый же день разошлось 400 экземпляров – однако ни критика, ни публика, воспитанные на образцах и традициях классицизма, не оказались в состоянии понять художественную простоту и силу нового произведения. Отзывы критики были по большей части неблагоприятны для трагедии, а в некоторых прямо говорилось о падении Пушкина, о том, что его талант ослабевает. Такое отношение критики и высказанное ею непонимание одного из наиболее совершенных художественных произведений Пушкина очень тяжело подействовало на него. Впоследствии Белинский, при всем своем эстетическом чутье, не мог в достаточной мере оценить высокое художественное значение «Бориса Годунова», который, по его мнению, лишен был внутреннего единства. Белинский даже не считал произведение Пушкина настоящей трагедией, которая невозможна без «страстей, борьбы, действия», а видел в нем лишь «эпическую поэму в разговорной форме», а в личности самого Бориса – «мелодраматического злодея». Все эти недостатки произведения Белинский приписывал главным образом тому, что Пушкин слишком близко придерживался Карамзина в своем понимании характеров и событий. Но отдельные сцены Белинский ставил очень высоко, называл даже гениальными. Также «глубокой чертой, достойной Шекспира», считал он заключительные слова трагедии: «Народ безмолвствует». «В этом безмолвии народа, – пишет критик, – слышен страшный, трагический голос новой Немезиды, изрекающей суд свой над новою жертвой – над тем, кто погубил род Годуновых...».

По В. Саводнику

Трагедия «Борис Годунов» имеет огромное значение в истории русской драмы. Слияние поэзии с действительностью, с правдою жизни, составляющее отличительное свойство музыки Пушкина, отразилось и на его исторической пьесе. Русская драма только со времени Пушкина представляла то, что называется характером: он первый изобразил живые лица, чего не было в произведениях драматургов классицизма, первый стал излагать драму языком, соответствовавшим и духу времени, из которого взяты сюжет пьесы, и положению действующих лиц. В старой трагедии все действующие лица говорят одним и тем же языком, языком автора; у Пушкина не так: старец Пимен говорит у него иначе, чем, например, Григорий; речи Марины полны высокомерия, слова же Ксении и Мамки дышат простотою и задушевностью. Стремление к правде внушило поэту мысль по примеру Шекспира внести в трагедию и элемент комический (сцена в корчме), чего решительно не допускала

классическая теория и что соответствует действительности, а стало быть, и задаче поэзии как отражению жизни.

Трагедия Пушкина воссоздает живыми красками одну из замечательнейших эпох нашей истории и с таким изумительным искусством, что картины эпохи со всеми ее подробностями навсегда сохраняются в воображении читателя. «С внешней стороны, – говорит А. Незеленов, – драма безукоризненно прекрасна. В ней нет быстрого и страстного развития действия; но спокойный, медленный ход ее событий совершенно соответствует духу изображаемой ею древней русской жизни. Соответствует этому духу и превосходный язык ее, простой, безукоризненный и изящный, на котором так видно влияние летописей и грамот».

По С. Бураковскому

Общественно-историческое значение трагедии заключается в том, что Пушкин впервые поставил в ней проблему народа в истории. Народ является основной силой в истории. Исторический деятель, не опирающийся на народ – ничто. Без народа нельзя решать большие исторические и социальные вопросы.

Как «Евгений Онегин» был первым реалистическим романом в истории не только русской, но и мировой литературы, так и «Борис Годунов» стал первой подлинно реалистической исторической трагедией не только в русской, но и в мировой литературе.

Гениальный художник, великий русский национальный поэт силой своего гения поднял на новую ступень одну за другой разные области литературы. Наряду с созданием лирики действительной жизни, наряду с созданием реалистического романа в стихах – Пушкин создал и реалистическую драму.

Пройдет немного времени, и в «Повестях Белкина» и «Капитанской дочке» Пушкиным будет утверждён критический реализм и в прозе.

Трагедия Пушкина воспитывает читателя и зрителя в духе любви к Родине, знакомя с ее далеким прошлым и вызывая интерес к ее истории. Она утверждает важную идею о том, что народ является подлинным создателем и основой государства, что народ – основная движущая сила истории.

По К. Лахостскому

Различно было отношение современной Пушкину критики к его великому творению, и только теперь оно оценено должным образом. Непринятие некоторыми критиками «Бориса Годунова» объясняется тем, что Пушкин, как истинный художник, презрел господствовавшую тогда теорию классической драмы с ее обязательным единством времени, места и действия. По примеру Шекспира он выше всего ставил художественную правду, и в своей драме не следовал установившимся пра-

вилам, а сам дал образец совершенного творения и положил начало новой русской драме.

Кроме того, «Борис Годунов» имеет значение как первое вполне зрелое произведение Пушкина, после создания которого он сам, обыкновенно столь скромный в суждениях о своем гении, сознал его силу и писал: «я чувствую, что могу творить...» – и писал вполне справедливо.

По Д. Полевому

Впервые сообщая П. Вяземскому о своем «Борисе Годунове», Пушкин назвал его «романтической трагедией». В дальнейших своих упоминаниях о трагедии он уточняет это определение, подчеркивая, что дает здесь образец «истинного романтизма». В позднейшем наброске предисловия к «Борису Годунову» Пушкин раскрывает и то, что он понимает под истинным романтизмом: «Отказавшись добровольно от выгод, мне представляемых системою искусства, оправданной опытами, утвержденной привычкою, я старался заменить сей чувствительный недостаток верным изображением лиц, времени, развитием исторических характеров и событий, – словом, написал трагедию истинно романтическую».

Итак, «истинный романтизм» заключается в верности изображения лиц и времени, в правдивом и осмысленном «развитии исторических характеров и событий», другими словами, «истинный романтизм» заключается, по Пушкину, в правдивом изображении исторической эпохи. Легко заметить, что понятие «истинный романтизм» Пушкин употребляет в том значении, в каком мы употребляем понятие «реализм» (термина «реализм» в то время вообще еще не существовало, почему Пушкин и не мог употребить его).

По Д. Благому